

Б. И. Казаков,
Г. А. Казакова,
Л. Н. Любомирская

**СТРАНИЦЫ
ЛЕТОПИСИ
САРАТОВА**

~~29/15~~ - 1794

~~1/11/100~~

290.

POST OFFICE
STATION
ST. PAUL
MICHIGAN

POST OFFICE - ST. PAUL

СТЕПАН РАЗИН

63 3/2p354/

к14

Ф1

Б. И. Казаков
Г. Д. Казакова,
Л. Н. Любомирова

"КР"⁴

СТРАНИЦЫ ЛЕТОПИСИ САРАТОВА

03

+

✓

90

48669-15

971

БАЛАНОВСКАЯ
ГОРОДСКАЯ И ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1987

63.3 (2Р 354)
К14

Рецензент: *Г. А. Малинин*, краевед

К14 Казаков Б. И. и др.
Страницы летописи Саратова/Б. И. Казаков,
Г. Д. Казакова, Л. Н. Любомирова.— Саратов:
Приволж. кн. изд-во, 1987.—136 с.: ил., л.

В книге саратовских краеведов рассказывается об изначальной истории Саратова, о том, как строился, жил и развивался город на Волге в XVII—XIX веках и начале XX века.

Хорошо иллюстрированное издание, посвященное приближающемуся юбилею города, рассчитано на массового читателя.

К $\frac{0505040000-29}{153 (03) - 87}$ 67-87

63.3 (2Р 354)

© Приволжское книжное издательство, 1987

Конец XVI и XVII век на Руси прошли под знаком упрочения власти Московского государства на юге, где русским городам угрожали крымские татары, в Среднем и Нижнем Поволжье, где хозяином была Ногайская орда. Для укрепления границ русские воеводы строили города-крепости. На Волге крепости, кроме того, надежно охраняли Волжский торговый путь.

В царствование Федора Иоанновича к ногайскому князю Урусу, стоявшему во главе Большой Ногайской орды, кочевавшей на огромной территории от Волги до Урала, отправили посольство. Целью посольства, везшего государево жалование и грамоты, было приведение к присяге князя Уруса, так как формально Большая Ногайская орда находилась в подданстве России. Урус к присяге был приведен, но высказал целый ряд жалоб на казаков, которые грабят его улусы, и на то, что царь де в четырех местах собирает города ставить¹. В грамоте, направленной царю, князь Урус самонадеянно спрашивал, владели ли этими местами деды и отцы Федора. «Поставил те города для лиха и недружбы», — писал рассерженный князь, указывая их месторасполо-

жение: на реках Уфе, Самаре, Белой Воложке (р. Белая), а также на Увекѣ².

Было это осенью 1586 года. Покуда ходили жалобы и ответы, со сказочной быстротой вырос город-крепость Самара. В 1586 году последовала грамота самарскому воеводе Григорию Осиповичу Засекину «в новой Самарской город», в которой предлагалось заверить татар, что не против них, а против врагов князя и государевых — казаков — строятся эти города³. Казаки, на которых ссылался в своей грамоте царь Федор, были так называемыми «воровскими» в отличие от служилых, то есть находившихся на службе у московского царя. «Воровские» казаки нападали на торговые караваны, плывшие по Волге, и действительно причиняли Москве немало хлопот. Однако главной опасностью были совместные нападения татар Большой Ногайской орды и крымских на окраины России. В местах их постоянных переправ и строились города-крепости. Быстроту, с которой они возникали, можно объяснить тем, что деревянные укрепления города, дома, церкви и другие строения заранее заготавливались и сплавливались по реке.

Летописи рассказывают, что в 1551 году, готовясь к взятию Казани, Иван IV направил дьяка Выродкова в Угличский уезд «церквей и города рубити и в судах с воеводами на низ везти, еже и бысть»⁴. 24 мая сошли воеводы и плотники на берег у назначенного места в Свияжском устье и стали расчищать площадь под постройку. А через каких-нибудь четыре недели прямо против Казани на расстоянии всего лишь 20 верст вырос опорный пункт — город Свияжск со стенами, протяженностью две с половиной версты. По тем временам это было строительным чудом. Возможно, что подобным же образом была построена в 1586 году и Самара. С именем первого ее воеводы князя Григория Осиповича Засекина связано возведение и других поволжских городов. Как опытный в этом деле, после кратковременного воеводства Засекин был направлен ставить город Царицын. Вместе с ним постройкой Царицына занимались и другие воеводы — Роман Васильевич Алферьев и Иван Афанасьевич Нащокин. Заготовленный для строительства Царицынского острога лес Засекин на судах перевез из Казани на Переволоку.

Царицын стал прямым преемником того караула, который запирал выход на Волгу с Дона крымским та-

тарам, туркам, ногаям и казачьим ватагам. Кстати, почему он был так назван, какая царица имеет отношение к его имени? Существовало несколько красивых легенд, по-своему объясняющих это название, но, по-видимому, корни его гораздо более прозаичны. Речка Сары-су (в русской транскрипции Царица), что означает желтая вода, и местность сари-чин — желтый песок, очевидно, и дали имя городу. А может быть, название Царицыну дал Г. О. Засекин по известному в документах «Царицыну-острову» — военно-сторожевому пункту у Переволоки⁵.

На следующий после возведения Царицына год — 1590-й — тем же Григорием Засекиным был построен Саратов. Это вероятнее всего также был рубленый город, строительный материал для которого заранее был заготовлен и сплавлен вниз по реке. Но если сравнивать его со Свияжском, то последний был гораздо обширней, это и понятно: ведь Саратов не предназначался для накопления военных сил. Он был небольшой крепостью. Население его составляли лишь пешие и конные стрельцы. Они «находились в постоянных разъездах и военных экспедициях. Начиная же с осени, жизнь в крепости замирала: движение по Волге прекращалось, мимо города не проходил ни конный, ни пеший; на далекое расстояние не было никаких русских поселений»⁶.

Нельзя сказать, что у историков не было расхождений в установлении даты «рождения» Саратова. Однако опубликованные в 1941 году документы не оставляют сомнений, что это 1590 год. «А в 98 (7098 год) году поставлен город Саратов»⁷. Любопытно также свидетельство, представленное на выставку, устроенную по случаю 300-летия города. Это было Евангелие, написанное попом Денисом Ивановым. На чистом листе, отдельно от текста, есть запись о событии, заслуживающем особого внимания: «Лето 7098 (1590 г.) месяца июля во 2 день на память положения пояса Пречистые Богородицы приехал князь Григорий Осипович Засекин, да Федор Михайлович Туров на заклад города Саратова ставити»⁸.

Документов, относящихся к тому времени, сохранилось очень мало, и поэтому между исследователями истории нашего края не раз возникали разногласия по тем или иным вопросам. Если ученые сравнительно скоро пришли к одному мнению, что именно в 1590 году

Въѣхъ зѣи зозу мѣамъ,
 зновѣла ми полюбави^н п
 прѣи^н рѣтѣ^н з прѣихѣ
 тригорѣ шипошнѣ^н з асѣ^н
 рѣомичѣ^н шѣпурѣ^н
 шѣторѣ^н саратѣ^н
 шѣи

Запись в Евангелии XVII века об основании Саратова.

возник Саратов, то относительно места его основания довольно долго спорили, привлекая все новые и новые косвенные свидетельства из архивов. Не будем утомлять читателя перечислением приводимых доводов и изложим события так, как они представляются нам по последним данным.

Первоначально город, считают большинство ученых-краеведов⁹, был заложен на правом берегу Волги у местности, где сейчас расположено село Пристанное. На карте Московского государства, составленной по приказу царевича Федора Борисовича Годунова, равно как и на карте И. Массы — современника первого царя-самозванца Лжедмитрия I, Саратов и Царицын показаны на нагорной стороне Волги.

Административно Саратов, как и Царицын, подчинялся Астрахани. Наместником же Казанским и Астраханским в царствование Федора Иоанновича был боярин Борис Годунов, фактический правитель Московского государства. Так как все эти города представляли собой военные опорные пункты-крепости, то управлялись они воеводами. Первыми воеводами в Саратове были Г. О. Засекин и Ф. М. Туров.

В документах того времени Саратов нередко именуется Новым городом¹⁰, и он действительно был таким по отношению к Самаре и Царицыну. Он преграждал путь с Дона крымским татарам, ногайцам и «воровским» казакам. Для них Царицын стал таким же ключом к Волге, как город Азов к Азовскому и Черному морям, поэтому зорко наблюдали воеводы за передвижениями «лихих людей». Однако путь через Переволоку был не единственным путем на Волгу. Можно было обойти Царицын и в верховьях донских притоков — Медведицы и Иловли — достичь удобного места, выйти на широкий простор. Этому-то и препятствовал Саратов.

Почему новый город называли Саратовом? В большинстве случаев это название расшифровывают как «Сары-тау» — желтая или красивая гора, исходя из предположения, что таков был цвет глины часто осыпавшейся Соколовой горы или других желтых в обрывах гор, тянувшихся до Пристанного, а также отмечая своеобразную их красоту. В русском языке эпитет «красный» обычно приложим для обозначения чего-то хорошего, красивого, ценного: красноречие, красная девица, красное дерево, красная рыба и т. д. Для того же определения прекрасного, обладающего высокими достоинствами, в тюркско-монгольских языках служит желтый цвет. Есть еще один вариант происхождения слова «Саратов», также упоминающийся исследователями: от «Сары атав». «Атав» с тюркского переводится как остров. В документах конца XVI — начала XVII веков Саратов именовали островом, хотя город на острове никогда не был. Но в древности слово «остров» могло обозначать урочище, то есть любую часть местности, отличную от остальных: лес среди поля, гору, скалу или что-то другое, хорошо видимое издали и служившее ориентиром для кочевников и проезжавших по Волге людей¹¹.

С 1597 года в Саратове воеводствовал Иван Григорьевич Волынский. В 1600 году его сменил Григорий Федорович Елизаров. Насколько тревожили нового воеводу «воровские» казаки или ногайские татары, нам неизвестно, но неожиданная беда свалилась на его плечи в виде царского посольства, которое осенью 1600 года направилось по Волге в Персию к шаху Аббасу¹². Оно должно было известить о новом московском государе Борисе Федоровиче и вручить шаху и его сыну дорогие

подарки. Домой возвращался с этим караваном и посол шаха Перкулы-бек. Продолжительные сборы задержали отплытие каравана. Из Казани посольство отправилось только в октябре. Караван из нескольких судов, на которых гребцами были 114 стрельцов, прибыл в Самару 15 октября. Настала ранняя стужа, и русский посол А. Ф. Жировой-Засекин обратился к Перкулы-беку с предложением зазимовать в Самаре. До Астрахани-де не добраться прежде, чем наступит ледостав, а более подходящих городов на пути не встретится. Но какое там: персидский посол не захотел и слушать. Пришлось подчиниться. Непогодье усилилось, и 24 октября суда разбились около острова Курдюма, в семи верстах от Саратова.

О продолжении пути нечего было и думать, тем более что по Волге пошел лед. Персидское посольство разместили в лучших дворах Саратовского острога. Там же были устроены и русские послы со свитой. «Квартирный вопрос» разрешили без особенных осложнений, но прокорм «гостей» доставил много неприятностей воеводе Елизарову.

В Казани к посольству пристал один из персидских купцов, следовавших к Астрахани, со своими людьми. Персиан, или кызыл-башцев, как их тогда называли, было не менее 60, а всего с посольством Жирового-Засекина и стрельцами в Саратов прибыло более 200 человек. При крушении особенно пострадали стрельцы, так как у них затонули все запасы продовольствия и оружия, выданные в Казани на путь до Астрахани и обратно. Из Москвы поступило распоряжение о выдаче стрельцам из государевых житниц запаса по казенной норме, а также необходимого количества пороха и свинца. Ржаная мука и овсяная крупа, выдаваемые стрельцам, вполне их удовлетворяли. Посольство же никаких воеводских затруднений знать не желало. Требовало баранов и кур, масла и калачей, вина и меду¹³.

В дар шаху везли соболя, кречетов, медведя и собак, им нужна была специальная пища. Соболю предписывалось ежедневно давать по живой курице, каждому кречету — по паре голубей. Наверное, не раз злополучный воевода втайне сожалел о том, что не утонули все эти царские подарки. Срочно переписали всех кур, имеющих в Саратове. Оказалось всего 300. Елизаров распорядился выдавать по 10 штук на день. Предвидя,

что куриные ресурсы будут скоро исчерпаны, разослал воевода стрельцов по займищам добывать лосятину.

Для прокормления посольства Елизаров реквизировал у саратовских жителей всю живность, но все равно не мог удовлетворить полностью требования «гостей». Несколько выручило воеводу то обстоятельство, что одновременно с посольством в Саратов прибыл купеческий караван, направляющийся в Астрахань. Он тоже остановился на вынужденную зимовку. Благодаря ему несколько оживился саратовский базарчик.

Делал попытки воевода хоть как-то умиловить персидского посла, объяснить ему, в каких стесненных обстоятельствах находится принявший их город Саратов, но Перкулы-бек ничего и слышать не хотел. Царь Борис Годунов в грамоте Елизарову велел говорить послу, «что он замер[з] в украинном городе, и корму на него не запасено... чтобы ему велеть имати корм — что есть в Саратове» (то есть мясо, рыбу) ¹⁴.

А люди посольские совсем распоясались. Они не только донимали саратовского воеводу, но и заводили драки с местными жителями. Гнев саратовцев на незваных гостей возрастал день ото дня. Ради них притеснял воевода саратовских жителей, реквизировал в их пользу все, что им требовалось. Трудно сказать, как удалось Елизарову не допустить до открытого выступления свой гарнизон, дотянуть до полой воды. Наконец, весной воевода облегченно вздохнул, проводив «гостей» с судами в Астрахань. Горожане принялись за восстановление разоренного хозяйства.

В эти первые годы в Саратове никаких особых событий не произошло, текла обычная жизнь военного укрепления, нес гарнизон дозорную и караульную службу. Отряды стрельцов выступали в походы, зорко следили за тем, не появились ли где-либо кочевники. Посылали их тайно и на Дон для выяснения настроений казаков. Стрельцы обязаны были сопровождать купеческие караваны до Царицына. Чаще же их посылали гребцами на судах государевых караванов, а также для охраны этих судов.

Жизнь Саратова в течение прошедших столетий была связана самым тесным образом с жизнью всей страны, судьбами русского народа.

Неспокойно было на Волге в начале XVII века, в период так называемого «смутного времени». Города-крепости не снабжались порохом, не было подвоза хлебных запасов. В гарнизонах зрело недовольство. Зимой 1605—1606 годов на Тереке казачье войско терпело большую нужду из-за того, что не получало жалованья и кормов, которые задерживались астраханскими боярами. Видя свое безвыходное положение, человек 300 терских казаков во главе с атаманом Федором Бодыриным решили идти на Волгу и «промыслить себе зипунов» погромом торговых судов. Собралась ватага удалых и намерена была совершить все тайно «опроче всего войска». Чтобы сделать уход свой более оправданным, казаки Бодырина одного из своих товарищей, Илейку Муромца, выдали за... царевича Петра, сына царя Федора Иоанновича¹⁵.

Всем войском во главе с «царевичем Петром» отправились терские казаки к Астрахани. Некоторые историки сообщают, что казаки пытались взять Астрахань, но отступили, отбитые астраханским гарнизоном¹⁶. От Астрахани Лжепетр с терскими казаками проследовали вверх по Волге. Войско «царевича Петра» все увеличивалось,

так как по дороге к нему приставали волжские «воровские» казаки. На стругах и челнах прошло оно мимо Царицына, Саратова, Самары и Казани. Указание на то, что «Петр» якобы осаждал Саратов и не мог его взять, разделяется далеко не всеми историками. В документах сведений об этом нет, а по смыслу маловероятно. Саратовский гарнизон в то время, так же как и астраханский, был настроен против отцарствовавшего уже Бориса Годунова.

Направляясь затем по Волге вниз на соединение с вождем восставших крестьян Болотниковым, войско «царевича Петра» плыло «тихим обычаем», то есть не пыталось захватить города-крепости. Согласно документам казаки «и Самару, и Саратов проехали и, не доехав до Царицына, рекою Камышинкою проехали в украинные города на Воронеж¹⁷. После взятия Тулы войсками Шуйского, где в осаде вместе с Болотниковым находился и «царевич Петр», последний был повешен.

Летом 1607 года у стен Астрахани объявились сразу три самозванца. Один из них, некий Август, назвался сыном Грозного, царевичем Иваном, два других — его внуками. Казаки пошли за выдуманным Иваном, как раньше шли за выдуманным царевичем Петром. Когда весть о «сыне Грозного» донеслась до Царицына, гарнизон там быстро расправился со своим воеводой Федором Акинфовым и, связав, отправил его в Астрахань, где он был казнен.

Следующим летом все три «царевича» во главе казачьего войска двинулись вверх по Волге, «намереваясь идти на соединение с Лжедмитрием II — «тушинским вором». Царицын, как уже сказано, держал сторону восставших, но под Саратовом положение оказалось иным. Город был под началом воевод Замятни (в некоторых документах — Данилы) Ивановича Сабурова и Владимира Владимировича Аничкова. Эти воеводы организовали оборону Саратова. Несколько приступов «царевичей» не увенчались успехом, и казаки были вынуждены отступить¹⁸.

Саратов, таким образом, отбил от нападения самозванцев, и впоследствии, уже при царе Михаиле, детям боярским были даны награды и пожалование «за саратовскую службу и за осадное сиденье при ц[аре] Василье с Замятнею Сабуровым». Однако верным правительству Шуйского город оставался весьма недолго.

Как указано в документах, в начале 1609 года по примеру Царицына саратовцы «царю Василью изменили и целовали крест вору»¹⁹. Можно предположить, что вспыхнуло восстание, ибо воевода Сабуров с изменившими не был, а спешно ушел в Казань. В феврале же 1609 года прибыли к Лжедмитрию II саратовские гонимы с извещением о том, что все люди города отдаются ему в верное подданство и послушание²⁰.

Мы помним, какие события произошли вслед за этим: поражение «тушинского вора», свержение боярами Василия Шуйского, вторжение иноземцев-поляков, подвиги народного ополчения под руководством Минина и Пожарского.

В 1613 году, после возведения на московский престол Михаила Романова, грозой Нижнего Поволжья стал казачий атаман Иван Заруцкий, объединивший вокруг себя значительные силы. Заруцкий предпринял большой переход к Астрахани, где и обосновался. В то время Астрахань была важнейшим торговым пунктом в связях Москвы с Востоком и волжской твердыней с каменным кремлем, законченным постройкой в год основания Царицына. Отсюда Заруцкий посылал грамоты персидскому шаху, здесь заручился поддержкой ногайских татар. Помимо тех казаков, что пришли с ним, многие «воровские» казаки, бывшие в то время на Волге, примкнули к атаману. Все низовое Поволжье не признавало нового московского правительства. Самара была самым южным на Волге опорным пунктом Москвы. «Воровские» казаки свободно ходили по Волге. Более того, они построили почти на всем протяжении нижеволжского пути свои станицы. Самый южный казачий городок располагался в селе Вязовка, в 150 верстах ниже Царицына. Во главе с атаманом Верзигой казаки этого опорного пункта стали на сторону Заруцкого. Один такой городок находился возле Саратова. Самая северная станица «воровских» казаков располагалась недалеко от Самары²¹.

Что происходило в это время в Саратове, трудно сказать: документы ничего об этом не говорят. Известно лишь, что зимой 1613—1614 годов город выгорел дотла и стрельцы пришли в Самару, за 350 верст, как указывается в письменных источниках того времени, «душою и телом», то есть как беженцы, без всякого имущества. О причине такого бедствия можно только

догадываться. Конечно, не исключено, что пожар возник просто по неосмотрительности, и, так как город был сплошь деревянным, жертвой огня он сделался в короткий срок. Но вероятнее всего, что Саратов был разгромлен и сожжен ногаями и «воровскими» казаками, державшими руку Заруцкого. За это предположение говорит и готовившийся поход на Самару, и наличие казачьей станицы вблизи Саратова. Примерно в то же время и также от пожара погиб и Царицын. Трудно объяснить это случайным совпадением.

Как знать, может быть, грозным предупреждением московскому правительству и стали гибель Саратова и Царицына. Ранней весной 1614 года с приказом стрельцов из Казани к Самаре выехал голова Пальчиков. Ему было предписано «построить острог в устье Усы, в 60 верстах выше Самары, и посылать от себя вниз и вверх станицы, чтоб воровские люди безвестно не пришли и рыбных ловцов не погромили». Можно сказать, что это было передовое охранение, вслед за которым на Заруцкого вниз по Волге двинулась настоящая рать²².

После этих событий снова стали укреплять волжскую низовую линию. В 1615 году воевода Мисюр Соловцов был прислан для постройки заново города Царицына, запирающего Переволоку. Со своим поручением Соловцов справился быстро — за одно лето. Он выстроил острог не на острове, где тот был ранее, а на нагорной стороне. Уже в марте следующего года царицынские стрельцы были пожалованы наградой «за Царицынское острожное дело, что они острог и церкви поставили»²³.

Учитывая, видимо, татарско-казачью угрозу, у другой переволоки, у устья Камышинки, также было построено укрепление, хотя и временного характера, — Камышинский острог.

Примерно через два года после возрождения Царицына был заново заложен город Саратов, на этот раз на луговой стороне. Кем был восстановлен Саратов, неизвестно, скорее всего — князем Чорново-Оболенским, так как в 1617 году он воеводствовал в этом городе²⁴.

«...А на Саратове город стоит на луговой стороне, стоячей острог, башни рубленые круглые, дворы и ряды в городе, а за городом стрельцкие дворы и рыбные лавки и анбары, где кладут с судов запасы»²⁵ — так описывал саратовскую крепость в 1623 году московский купец Ф. А. Котов. 13 лет спустя секретарь голштинского посольства, плывшего вниз по Волге, А. Олеарий сделал довольно точный рисунок города, а также запись в дневнике о Саратове. По этим и немногим другим сохранившимся до наших дней документам мы можем представить себе, как выглядел и жил в те далекие годы этот волжский город.

Левобережный Саратов в первой половине XVII века был довольно большой крепостью на Волге, где постоянно находилось от 300 до 400 стрельцов. Стоял он на мысу, образуемом речками Саратовкой и Воложкой (рядом с современным городом Энгельсом). Город окружали крепостные бревенчатые стены с шестью башнями и бойницами в них. В каждой из башен постоянно дежурили стрельцы с огнестрельным оружием. Были в городе и охраняемые ворота. Защитой от нападения врагов служили также ров и вал перед стенами города.

В 1630 году был сделан новый острог. На время его строительства как подкрепление гарнизону прислали 426 человек, из них 50 плотников²⁶. Внутри городских укреплений, под защитой боевых башен, находились церкви, суд, воеводская изба и дома детей боярских, сотников и пятидесятников, всей стрелецкой верхушки, а также размещались торговые ряды.

Саратовская крепость в XVII веке по-прежнему защищала Волгу от нападений кочевников. Разница была лишь в том, что татар-ногайцев в Нижнем Поволжье сменили калмыки. Они оттеснили ногайцев в степи Прикубанья и северного Причерноморья под власть крымских ханов. Нападения крымцев и ногайцев на русские города-крепости продолжались. Именно этим объясняется увеличение численности постоянного гарнизона Саратова, который к середине 60-х годов достиг 526 человек. Правительство за участие в строительстве новых укреплений города давало прибавки к окладу и денежному жалованью. Жили конные и пешие стрельцы с семьями в своих дворах за городом, в укрепленном палисадом месте — посаде. Большую часть гарнизона составляли постоянные жители Саратова, а остальные (их называли «годовальщиками») сменялись каждые два-три года. Постоянных дворов они не имели, а снимали квартиры как «соседи» или даже «подсоседники». Кроме стрельцов, в 30—50-х годах в Саратове было 83 посадских человека²⁷. Они жили в слободках, примыкавших к городу. Нам известна лишь одна из подгородных слободок — Воздвиженского монастыря. Она помещалась «за городом, за кабацкими вороты». В этой слободке разрешалось ставить «кабацкие избы и ледник».

Население посада было пестрым. Сюда приходили из разных мест России ремесленники, торговцы, работные люди, беглые крестьяне, казаки. Среди приезжих откупщиков встречались очень богатые люди. Они снимали на несколько лет места рыбной ловли, на десятки километров тянувшиеся вдоль Волги. Многие жители саратовского посада, особенно неимущие, нанимались в рыбные ватаги к промысловикам-откупщикам, плотничали, приторговывали на мелкие суммы.

Постепенно кроме рыбных ловель стали отдавать на откуп и земельные угодья. Известно, что в 1668 году саратовскому конному стрельцу были сданы Саратов-

ский, Бородинский, Чардынский, Караманские «юрты» — земельные участки²⁸.

Хлеб пока еще не сеяли — из-за опасности нападения кочевников. Земли использовали как сенокосные угодья, так как служилая верхушка саратовская покупала скот у калмыков и после откорма отгоняла на Макарьевскую ярмарку у Нижнего Новгорода. Были пока еще редкие случаи пожалования земли саратовским служилым людям и даже зачисления их в поместные книги (в дворянство). В 1659 году саратовцу Петру Климову было дано 50 четей (то есть четвертей) земли. Несколько ранее сына боярского Леонтия Климова также зачислили в поместный и денежный оклад «за службу на Саратове». Служилая верхушка получала награды в виде доплат к окладам за успешную борьбу с калмыками — «за калмыцкую посылку», «за калмыцкую службу» и т. д.²⁹. Она использовала для своего обогащения все возможности. Те, кто принадлежал к ней, сдавали полученные на откуп или в поместье земли охотникам и рыболовам; старались попасть на выгодные должности, особенно таможенные — на заставы. Эти заставы были установлены «для бережения» проезжих еще до 30-х годов XVII века «на Стрелке-реке», а позднее и в других местах: зимой на Верхнем Увеке, а летом на берегу Волги³⁰.

На самом деле это «бережение» сводилось к тому, что стоявшие на сторожевых вышках служилые люди останавливали любого проезжающего и взимали с него таможенную пошлину. Правительство, стремясь получить солидный доход, сдавало таможенную на откуп за очень большую по тому времени сумму — тысячу рублей. Сдавались желающим под уплату оброка городские бани, а также производство кваса, морса и уксуса. Даже пробиваемые зимой на реке проруби, из которых брали воду саратовцы, были платными. За право мыть белье на плотках также нужно было платить. На откупе находились и переправы через Саратовку и Волгу, за что полагалась крупная сумма — 264 рубля³¹.

Тяжкой была жизнь саратовских стрельцов, пришлых рабочих людей, посадских в этой отдаленной крепости. Часто случались перебои в снабжении хлебом, поэтому нерегулярно выдавали стрельцам хлебное жалованье. Известен ответ на жалобу «саратовских ружников, всяких оброчников и стрельцов» о выплате им

хлебного жалованья, которое задержали на год. В городе хлеба всегда недоставало. Из-за «хлебной дороговизны» в 1663 году стрельцам был увеличен размер хлебного жалованья. Стрельцов использовали бесплатно «для городского дела». Лишь после жалобы стрельцов велено было воеводе выдавать в этих случаях по 1 рублю на человека³².

Воевода был полновластным хозяином города. Он взимал незаконные поборы, вымогая взятки, отказывая стрельцам и посадским людям в разрешении на ямскую гоньбу. Правительство, войдя в бедственное положение саратовских жителей, разрешило ловить рыбу для собственных нужд всем саратовским жителям — «богомольцам, холопам и сиротам» — без уплаты оброка. Для лова отводилась большая площадь «под городом и от города вверх и вниз р. Волги»³³. Еще в более тяжелом положении находились саратовские бобыли — голытьба, отошедшая от своей социальной среды. В большинстве своем это — пришлые люди, были среди них и беглые. Бобыли не имели имущества, денег и не в состоянии были, как посадские жители, платить полный налог, что совсем лишало их прав.

Посадские люди, бобыли, стрельцы с сочувствием относились к беглым, которых много появилось в Нижнем Поволжье. В 1650 году саратовский воевода Феофилатьев поймал на Волге волжского атамана Соколова с товарищами. Атамана в Саратове без задержки повесили, но сделать то же с остальными казаками воевода не смог. За них вступилось население города. Оно обратилось в Москву с просьбой, «чтоб государь пожаловал их, велел тем казакам вину отдать и повесить их не дал». Феофилатьев не решился игнорировать общее настроение и хотя посадил казаков до указа из Москвы в тюрьму, но на виселицу не отправил. А на следующий год посадские люди вместе со стрельцами и некоторыми детьми боярскими потребовали и добились, чтобы саратовца сына боярского Протопопова и с ним несколько стрелецких семей выслали из Саратова в Астрахань. Сведений о причинах этого требования не сохранилось. Можно лишь предполагать, что в своих злоупотреблениях Протопопов, поддерживаемый упомянутыми стрельцами, превысил чашу терпения саратовских жителей³⁴.

В середине XVII века участились нападения волжских и донских казаков на караваны. Крепости на Вол-

ге выделяли стрельцов для борьбы с казаками, которая шла с переменным успехом. В сентябре 1659 года, когда в Саратове стали известны случаи таких нападений, саратовский воевода Д. В. Хитрово быстро снарядил экспедицию до реки Дубовой. 150 стрельцов под командованием Петра Климова ушли на поиск «воровских» казаков. 14 сентября они явились обратно и сообщили, что казаки ушли степью на Иловлю. Климов сначала погнался за ними, но узнал, что казаки успели достигнуть реки и сплыли на лодках вниз, где у них имеется свой городок. Воевода не гневался на Климова, понимая, что тот, придя к городку с сравнительно незначительными силами, мог быть легко разгромлен казаками. Хитрово решил разбить «воровской» городок и подобрал для этого 100 конных стрельцов и пеших, которые должны были ехать на стругах, — еще 100 человек. К походу все было готово, но в это время воевода получил приказ выслать в распоряжение князя Черкасского 50 конных и 117 пеших стрельцов. С оставшимися силами он не решился выполнить свой замысел³⁵.

29 сентября того же года приплыл в Саратов на лодке приказчик купца Федора Горохова Карп Селиванов. На съезжей избе поведал он воеводе, что ехал с солью из Астрахани в Саратов, но в царицынских водах у Шишкина острова, что в 170 верстах ниже Саратова, повстречали его «воровские» казаки. Забрав все бывшее на купеческом струге имущество, казаки отпустили всех работных людей. Однако многие из судовых рабочих присоединились к казакам. На преследование их был немедленно направлен тот же Климов с двумя сотнями. Стрельцы настигли казаков на реке Иловле (за день пути от Дона) в урочище Островки. В разгоревшемся бою счастье сопутствовало Климову. Разбитые казаки бежали, некоторые остались на поле сражения, а двое были захвачены в плен. 15 октября Климов вернулся в Саратов и письменно доложил воеводе о всех подробностях своего похода³⁶.

Все эти мелкие стычки с казаками отступили на задний план, когда весной 1670 года войско С. Т. Разина вышло на Волгу. Целью похода было овладение волжскими городами и движение на Москву. В «прелестной» грамоте Разин писал, что хочет идти «на Русь против государевых изменников» — бояр, воевод и думных людей — и с желанием «черным людям дать свободу». Уз-

нав о намерениях разинцев выйти на Волгу, правительство направило из Москвы в Царицын тысячный отряд стрельцов под командованием Лопатина, а казанскому воеводе Шереметеву предписало послать туда же еще 200 служилых людей, чтобы воспрепятствовать новому походу Разина на Волгу.

Разин предупредил намерения московских воевод. 9 мая семитысячное войско его двинулось к Волге и достигло Царицына через два дня в третьем часу ночи. Где опускать суда на воду, указал Разину царицынский торговый житель Степка Дружинкин, сбежавший до этого на Дон от обид воеводы.

Как только занялась заря, Разин подступил к Царицыну с конными и пешими людьми, а Василий Ус, его есаул, подплыл к городу на многочисленных стругах. По набатной тревоге со стен выстрелили по разинцам из пушек. Пять человек бежали из города к Разину и сообщили ему всю обстановку: каковы укрепления, сколько казны и запасов. Разин оставил Уса руководить осадой, а сам напал на едисанских татар, кочевавших в 30 верстах от Царицына, и на третий день вернулся с лошадьми и скотом. Несколько жителей города пришли к Усу и просили его разрешения на выгон скотины на пастбище и водопой. Есаул советовал им сказать об этом своему воеводе, а если тот не отперет ворот, сбить с них замок. В тот же день жители города последовали этому совету и пустили к себе разинцев. Воевода Тургенев с племянником и с десятью московскими стрельцами заперся в башне в надежде на подход помощи. Но сопротивление было недолгим, хотя и ожесточенным. Башню взяли, и тех московских стрельцов порубили, а воеводу утопили в Волге³⁷.

Стрелецкий голова Лопатин не знал, что Разин опередил его, и, выполняя приказ, спешил со своим отрядом к Царицыну. В семи верстах от города, у Денежного острова, на его отряд обрушился Разин с пятью тысячами своих удальцов. Стрельцы с боем пробивались к Царицыну, рассчитывая укрыться за его стенами. Но когда они считали себя в безопасности, с городских стен на них посыпались ядра и пули. Из всей тысячи уцелело только 300 человек. Самого Лопатина и начальствующих лиц побросали в воду, а стрельцов посадили за весла.

Почти месяц пробыл Разин в Царицыне, введя в нем

казацье устройство, снабдив жителей хлебом и боеприпасами, которые удалось захватить на следовавшем вниз торговом караване. Царицын на долгие месяцы стал опорным пунктом разинского войска.

В начале июня атаман направился к Астрахани, оставив в Царицыне несколько сот человек, но число их скоро превысило тысячу, так как крестьяне «сбивались» в отряды и «денно и ночью» шли на соединение с Разиным. В конце июня астраханские жители сдали город. Теперь все Нижнее Поволжье было в руках восставших, власть царских воевод сохранялась лишь в Саратове. Но и она была призрачной. Оттуда прибыли к Разину представители городских низов и говорили ему, «чтоб он шел к ним под Саратов не мешкав»³⁸.

В первой половине августа 10-тысячное войско Разина подошло к Саратову. Большая часть разинцев плыла на стругах, 2000 конников шли левым берегом. Брожение в городе стало вполне открытым. Когда войско Разина было в семи верстах, саратовские жители пришли к воеводе Кузьме Лутохину и, пообещав «отпечаловать его у Стеньки», посадили под караул. Воевода, ожидая подхода разинцев, опасался, что к ним присоединятся кочующие вблизи Саратова калмыки, среди которых уже началось волнение. Он выслал в степь отряд стрельцов под начальством их головы Шахматова и приказал оттеснить калмыков как можно дальше от города. Некоторые историки в свое время пытались этим ослаблением гарнизона объяснить, почему Разин так легко овладел Саратовом. Однако другие возражали им: воинская сила Разина значительно превосходила Саратовский гарнизон, а симпатии жителей, в том числе и стрельцов, целиком были на стороне восставших.

Известно, что накануне вступления в Саратов С. Т. Разина в городе произошло восстание и 500 стрельцов — казанских и самарских — ушли из города и присоединились к его войску. Стрелецкий голова бежал из Саратова вместе с другими начальниками. Надуманными являются сведения о хитрости Разина и поджоге города — в этом не было никакой надобности. 15 августа 1670 года ворота города были открыты, народ приветствовал Разина хлебом-солью и колокольным звоном. Игумен Богородского монастыря вышел навстречу разинцам с крестом и благословением³⁹.

Разин учинил суд над саратовскими правителями.

Воевода был утоплен, его помощники и бояре — убиты. В Саратове, как и в других городах Поволжья, взятых Разиным, было учреждено казачье управление — казачий круг. Атаманом стал донской казак Григорий Савельев. Разин распорядился раздать городской бедноте хлебные запасы, имущество дворцового рыбного промысла.

Саратовцы, как ранее царицынцы, стали активными участниками Крестьянской войны. Вначале с атаманом В. Усом, а позднее (в июне 1671 года) с Ф. Шелудяком ходили они на Симбирск. Под руководством атамана Г. Савельева в сентябре 1670 года брали Пензу, которая сдалась без боя. Отряд атамана Василия Федорова, в составе которого были около 600 конных саратовцев, взял Нижний, а затем и Верхний Ломов⁴⁰. С августа 1670 года Саратов был одним из опорных пунктов разинцев, где они укрывались от царских воевод после поражения под Пензой в декабре 1670 года. Побежденный под Симбирском Разин, направляясь в Царицын, пополнил в Саратове свои ряды 100 саратовцами и получил съестные припасы и оружие. Лишь в середине июля 1671 года, одними из последних, «повинились» саратовцы. Гарнизон был расформирован, стрельцы сосланы на Север.

Крестьянская война закончилась победой правительства. Имя Разина было предано анафеме, но на протяжении столетий славил народ Степана Тимофеевича Разина, защитника угнетенных. Много песен и сказаний сложено о нем по всей Волге.

Город, в котором мы живем, был перенесен сюда с левого берега в последней четверти XVII века. Вскоре после подавления восстания С. Т. Разина воеводой в Саратов был назначен Леонтьев. Сообщая в Москву о положении города, он писал: «Саратов худ, острог весь развалился»⁴¹. Через некоторое время поступило распоряжение «Саратов город на горах делать новый». Поручено это было горододельцу полковнику Александру Шелю.

Вопрос о причине перенесения Саратова на новое место долго дискутировался историками. Каждый приводил свои доводы, так как документов того времени осталось очень мало. Одни говорили, что сделано это было для безопасности от кочующих на левом берегу калмыков, другие — потому, что Саратов страдал тогда от разливов Волги. Однако и то и другое оспаривалось третьими исследователями, которые утверждали, что калмыки в то время находились в дружественных отношениях с московским правительством и налицо была обоюдная заинтересованность в торговле скотом. Что же касается волжских разливов, то ведь на левом же берегу возникла слобода Покровская, а чуть выше ее

в двух верстах долгое время существовало городище старого Саратова.

Скорее всего, причина была в другом. Саратов рос, он уже не был только военным городком со стрелецким гарнизоном. Все большее значение приобретало в нем посадское население, занимавшееся рыболовецким промыслом, а также торговлей скотом и солью с астраханских озер. Еще прежде рыбной ловлей в больших размерах занимались монастыри, получавшие от правительства грамоты на беспошлинную ловлю рыбы по Волге и Большому Иргизу. Доставка товаров в Москву с правого берега, конечно, была более удобна, чем с левого. На правом берегу обширную площадь занимал московский Новоспасский монастырь со своим далеко не маленьким хозяйством. Постоянное сообщение между Саратовом и Москвой через Волгу было очень неудобно, но с этим приходилось мириться. Когда же встал вопрос о том, что город надо перестраивать заново, решено было избежать такого неудобства и перенести Саратов на правый берег.

Александр Шель, получив распоряжение о перенесении города, принялся за дело без промедления. Однако вскоре он встретил серьезное препятствие. На месте, которое было отведено под застройку нового города, уже располагался двор, принадлежащий монастырю. Шель приступил было к ломке двора, но от архимандрита Иосифа к государю понеслась грамота с «просьбой не повелеть этого делать». Однако из Москвы воеводе Леонтьеву указали не столь строго, как рассчитывало духовенство. Велено было осмотреть монастырский двор, измерить длину и ширину его и самому решить, можно ли оставить его на месте без какого-либо утеснения новому Саратову. В апреле 1674 года воевода сообщил Москве, что избежать ломки монастырского двора никак не возможно.

Полковник Шель расчищал место, перевозил с левого берега заготовленные в течение двух лет материалы, начиная стройку. Прежде всего на вершине Соколовой горы была установлена сторожевая вышка, с которой дозорные повели наблюдение за степью и Волгой. Опасались появления кочевников или «воровских» людей, которые могли бы совершить набег, пользуясь разбросанностью саратовских сил. Место, где находилась вышка, уже не существует — оно за долгое время

обвалилось и смыто Волгой. Другая вышка была поставлена за 10 верст от Соколовой горы на Гусельском юрте у села Пристанного. Название этого села наводит на мысль, что здесь была расположена какая-то пристань для волжских судов. В свое время здесь приставали суда Степана Разина. Но пристани были во всех приволжских городах и селениях, они не являлись чем-то отличительным. Возможно, село названо так по другой причине. В этом месте располагался рыбный стан. Караульные следили за тем, чтобы занимались рыбной ловлей лишь те саратовцы, которым это право было предоставлено царским указом. Возникшее «при стане» село и получило такое название. Около этих вышек располагались караульные избы, а пространство вокруг них было обнесено валом и канавой на случай обороны.

Местом строительства нового Саратова был выбран южный берег Воровского (Глебучева) «буерака» (оврага). Что мы знаем о строителе нового города — Шеле? Да почти ничего. А вот дело рук его живет, оно дошло до нас с вами. Вместе с Шелем, работными людьми и частью стрельцов Саратовского гарнизона поселился здесь стольник и воевода Михаил Глебов. По согласованию с Шелем он намечал направление и размеры городской стены, места для застройки различных казенных зданий и церквей. Строительный материал и имущество (казенное, церковное и частное) старательно переправлялось с луговой стороны на нагорную.

Постройку нового города облегчало то, что левобережный Саратов сплошь был деревянным. Многие строения его были разобраны и переправлены на новое место. Это, конечно, не было единовременным актом, и в период стройки существовали как бы два Саратова. Часть жителей и стрельцов оставалась долгое время в старом городе, наблюдая за кочующими калмыками. Командовал ими стрелецкий голова Тихон Шахматов. Переброской же через Волгу материалов и имущества занимался его сын Алексей. Овраг, у которого начал строиться новый Саратов, в просторечии стали называть Глебовым, или Глебучевым, как он именуется и поныне.

От берега Волги вдоль Глебучева оврага был выложен земляной вал с деревянными башнями на нем⁴². Нынешняя улица Валовая проходит примерно по тому месту, где он находился при закладке нового Саратова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Первые годы	3
Мятежная Волга	10
На луговой стороне	14
«Город на горах делать...»	22
От военной крепости до торгового центра	32
«Соляные ворота» России	41
Емельян Пугачев в Саратове	49
Губернский город	56
«Столица Поволжья»	71
Культурная жизнь Саратова	87
Революционная биография	107
Примечания	128

Борис Игнатьевич Казаков,
Галина Дмитриевна Казакова,
Людмила Николаевна Любомирова

СТРАНИЦЫ ЛЕТОПИСИ
САРАТОВА

Фотонллюстрации из фондов Саратовского
областного музея краеведения

Редактор *Л. А. Розанова*
Художник *В. Г. Евграфов*
Художественный редактор *В. К. Иванов*
Технический редактор *Л. И. Борисова*
Корректор *Н. Н. Попова*

ИБ № 1453

Сдано в набор 17.12.86. Подписано в печать 27.04.87. НГ25292.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 7,14+0,84 л. вклейка. Усл. кр.-отт. 9,87. Уч.-изд. л. 7,39+1 л. вклейка. Тираж 15 000.
Цена 60 коп. Заказ 2659.

Приволжское книжное издательство.
Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» управления
издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского
облсполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ

САРАТОВ-1917г.

